

# Ближний Восток: новая версия общественно-политического бытия

## THE MIDDLE EAST: A NEW VERSION OF SOCIAL AND POLITICAL LIFE



© 2020 **Алексей Всеволодович Малашенко**

доктор исторических наук, профессор, руководитель научных исследований института «Диалог цивилизаций», Москва, Россия; [amalashenko@doc-research.org](mailto:amalashenko@doc-research.org); ORCID ID: 0000-0001-8862-304X

**Alexey V. Malashenko**

DSc (History), Professor, Chief Researcher at The Dialogue of Civilizations Research Institute; Moscow, Russia; [amalashenko@doc-research.org](mailto:amalashenko@doc-research.org); ORCID ID: 0000-0001-8862-304X

В статье развиваются некоторые идеи, высказанные отечественным арабистом В. А. Кузнецовым в ряде публикаций, посвященных концепции неомодернизма как концептуальной рамке для описания ближневосточной политической реальности. Отталкиваясь от предложенного В. А. Кузнецовым тезиса о преодолении фрагментированности на Ближнем Востоке, автор анализирует различные проявления этого тренда в разных аспектах общественно-политической жизни: системно-институциональном, этноконфессиональном, идеологическом, международно-политическом. Соглашаясь в целом с выдвинутым тезисом и даже предлагая распространить его не только на Ближний Восток, автор статьи ставит ряд новых проблем. Среди

них — проблема будущего национальной государственности на Ближнем Востоке, проблема определения фрагмента при описании политической реальности (какие силы могут считаться фрагментированными, а какие нет), проблема возможной полисемантической природы процесса дефрагментации, способного развиваться не только в модернизационном, но и в традиционалистском направлениях, и другие.

*Ключевые слова:* неомодернизм, постмодерн, Ближний Восток, арабский мир, фрагментация

Для цитирования: Малашенко А. В. Ближний Восток: новая версия общественно-политического бытия. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020. № 3–4. С. 44–50. DOI: 10.18254/S268684310012497-4



This article develops some of the ideas expressed by the Russian Arabist Vasily Kuznetsov in a number of publications devoted to the concept of neo-modernism as a conceptual framework for describing the Middle Eastern political reality. Based on the Dr. Kuznetsov's idea of overcoming fragmentation in the Middle East, the author analyzes various manifestations of this trend in different aspects of social and political life: systemic-institutional, ethno-confessional, ideological, international and political. The author not only agrees with this thesis, but also raises a number of new problems. Among them there are the prob-

lem of the future of national statehood in the Middle East, the problem of defining a fragment when describing political reality (which forces can be considered fragmented and which are not), the problem of the possible polysemantic nature of the defragmentation process, and others.

*Key words:* neo-modernity, postmodernity, the Middle East, the Arab world, fragmentation

*For citation:* Alexey V. Malashenko. The Middle East: A New Version of Social, and Political Life. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2020. No. 3–4. Pp. 44–50. DOI: 10.18254/S268684310012497-4

Ближнего Востока — того, к которому мы привыкли в прошлом веке, больше нет. Он трансформируется, и его «перестройка» происходит, в том числе, в контексте глобальных перемен [Ближний Восток... 2018]. В зависимости от стран этот процесс имеет разную скорость, и на него оказывает заметное влияние вмешательство внешних игроков. Сегодня как никогда востребован новый поход к Ближнему Востоку, отказ от стереотипов при осмыслении и переосмыслении настоящего и будущего региона.

Непосредственным поводом для написания этого материала послужила статья востоковеда и арабиста Василия Кузнецова «Арабские общества эпохи неомодернизма: поиск новых единств» [Кузнецов, 2020а], в которой автор оригинально, порой неожиданно, но убедительно анализирует происходящие в регионе перемены, предопределяющие его будущее развитие. В публикации он развивает некоторые свои базовые идеи, в общем виде обозначенные и в публикуемой в настоящем номере «Восточного курьера» статье «Концепция неомодерна: новые рамки политического бытия. Ближневосточный кейс» [Кузнецов, 2020б].

Ключевой посыл подхода В. А. Кузнецова — утверждение, что в местных обществах завершен процесс «тотальной фрагментации» и все заметнее становится тенденция к их (этих обществ) «новому единству». Упомянутая фраг-

ментация распределялась по четырем векторам — политическому, этноконфессиональному, региональному и идеологическому, теперь же, по выражению автора, «с точки зрения неомодернизма, эпохе тотализирующей фрагментации наступил конец» [Кузнецов, 2020а, с. 31]. Термин «неомодернизм» представляется нам несколько тяжеловесным, но его выбор — право автора, сама же «дефрагментация» очевидна. Тормозя развитие общества, она одновременно является доказательством необходимости, даже неизбежности его консолидации, без которой формирование эффективно действующего государства невозможно.

С одной стороны, переломным моментом здесь можно считать «арабскую весну», революцию регионального масштаба. Ее общей причиной явилась исчерпанность местных авторитарных режимов, их неспособность оперативно решать накопившиеся за десятилетия правления проблемы, «старческая склеротичность». Упомянем вождя Ливийской Джамахирии Муаммара Каддафи (у власти 42 года), президентов Египта Хосни Мубарака (30 лет) и Туниса Зин аль-Абидин бен Али (24 года). 20 лет находится у власти президент Сирии Башар Асад, почти половина срока которого в стране длится гражданская война<sup>1</sup>. И эти революции отнюдь не «цветные», инициируемые извне, это народные восстания.

1 Малашенко А. Эпоха жесткого эгоизма. Прежнего Ближнего Востока больше нет. *Независимая газета*. URL: [https://www.ng.ru/ideas/2020-03-18/7\\_7820\\_east.html](https://www.ng.ru/ideas/2020-03-18/7_7820_east.html) (дата обращения: 23.10.2020).



Алжир избежал катаклизма только благодаря тому, что в 1990 г. он прошел через тяжелейшую гражданскую войну, жертвами которой стали от 150 до 200 тыс. чел.<sup>2</sup> и которая послужила «прививкой» от последующих катаклизмов [Василенко, 2019]. Здесь отстранение в 2019 г. от власти занимавшего президентский пост 20 лет Абд аль-Азиза Бутефлики прошло бескровно.

Революции и восстания эхом отозвались в странах Персидского залива. В 2012 г. имела место попытка военного переворота в Катаре, где позже в 2013 г. власть унаследовал шейх Тамим бен Хамад ат-Тани<sup>3</sup>. В 2011 и 2012 гг. прошли волнения на Бахрейне. «Арабская весна» — пусть и не прямолинейно — повлияла на Саудовскую Аравию, где не прекращаются конфликты между консервативно и либерально (по местным меркам) настроенными религиозно-политическими группами и персонами. В 2017 г. наследником престола стал выступающий с реформаторских позиций принц Мухаммад бен Сальман, что можно считать «почти революцией»<sup>4</sup>. Вскоре после этого произошел «бунт» 11 принцев, за подавлением которого последовал и ряд других арестов представителей политической элиты страны<sup>5</sup>.

Все эти крайне обостряющие ситуацию в обществе события, пусть не в одночасье, но способствуют преодолению его фрагментации. Рухнувшие режимы служили каркасом государства, но вместе с тем поддерживали фрагментацию общества; она их даже устраивала, поскольку давала предлог для ужесточения образа

правления. Все это вместе взятое обуславливало слабость государства на Ближнем Востоке, именуемого в статье «множественным». По мнению Кузнецова, «множественное государство» отходит в прошлое [Кузнецов, 2020а, с. 31]. Понятие «множественного государства» в известной степени искусственно. При некотором допуске, таковым представляется едва ли ни любое государство, кроме, пожалуй, тоталитарного.

В качестве антипода множественному государству Кузнецов называет государство национальное, в которое первое и трансформируется; в этом заключается единственная возможность благополучия ближневосточных стран. Да и вообще, несмотря на глобализацию, на формирование наднациональных субъектов мировой политики именно национальное государство, остается главным ее актором (пандемия коронавируса лишней раз это подтвердила). Только оно способно решать национальные — социальные, экономические, политические, да и все остальные проблемы.

На Ближнем Востоке стоящие перед национальным государством задачи особенно трудны, уже потому что опыт управления страной и взаимодействия с обществом не столь длителен (по сравнению с европейским) и чреват многочисленными издержками. Процесс становления полноценного национального государства можно рассматривать как затянувшуюся деколонизацию. Однако национальное государство продолжает формироваться несмотря ни на что, преодолевая

- 2 Islamism, Violence and Reform in Algeria: Turning the Page. *ICG Middle East Report* N°29 Cairo/Brussels. 30.07.2004. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/algeria/islamism-violence-and-reform-algeria-turning-page> (дата обращения: 20.05.2018); Meunier M. 1991–2000, la décennie qui hante l'Algérie. *La Croix*. 19.05.2011. URL: [https://www.la-croix.com/Actualite/Monde/1991-2000-la-decennie-qui-hante-l-Algerie-\\_EP\\_-2011-05-19-617033](https://www.la-croix.com/Actualite/Monde/1991-2000-la-decennie-qui-hante-l-Algerie-_EP_-2011-05-19-617033) (дата обращения: 20.05.2018).
- 3 Change Brings Challenges for Qatar Emir Tamim. *BBC*. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-22875409> (дата обращения: 23.10.2020).
- 4 The Paradox of Saudi Arabia's Social Reforms. *Frontline*. 01.10.2019. URL: <https://www.pbs.org/wgbh/frontline/article/the-paradox-of-saudi-arabias-social-reforms/> (дата обращения: 23.10.2020).
- 5 Henderson S. Implications of the Saudi Corruption Arrests. The Washington Institute for Near East Policy. 16.03.2020. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/implications-of-the-saudi-corruption-arrests> (дата обращения: 23.10.2020); Henderson S. Making Sense of the Saudi Rumors: A Guide to Royal Family Politics. The Washington Institute for Near East Policy. 9.03.2020. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/making-sense-of-the-saudi-rumors-a-guide-to-royal-family-politics> (дата обращения: 23.10.2020).



многочисленные трудности, одна из которых — издержки фрагментации общества.

Вместе с тем трудно представить, что дефрагментирование обязательно приведет к полному и окончательному преодолению всех несогласий и противоречий, к отказу различных групп общества отстаивать свои интересы перед лицом того же государства, в целостности которого они же сами и заинтересованы. Различия между взглядами и позициями отдельных групп и слоев остаются. Другое дело, что их сторонники не станут стремиться к достижению «эгоистических» целей через ослабление, тем более — крушение государства. Любому защитнику собственных интересов удобнее позиционировать себя интегральной частью общества, комфортнее действовать в рамках государства.

Для примера обратимся к вопросу об исламизме [Кузнецов, 2020а, с. 34], с которым можно связывать фрагментацию общества на религиозной основе. Исламизм остается и останется в будущем фактором общественной жизни, идеологии и политики. Исламисты не являются замкнутым, самодостаточным движением, они вписываются в общий политический процесс, они не фрагмент общества, но его легитимная составляющая. Исламисты выступают за единое государство, в котором займут одно из ведущих мест, а при благоприятном для них стечении обстоятельств и возглавят его. Они против фрагментации общества.

Фрагментом можно считать лишь экстремистское крыло исламистов, считающее себя особой, единственно верной исламской традиции частью (фрагментом) общества, противопоставляющее себя и нарушающему заповеди ислама государству. Исламисты «видят себя отличными от обычного населения... считают себя вправе выносить суждения о неспособности общества жить в соответствии с ценностями ислама» [Ei-Affendi, 2004, p. 8].

В свою очередь противники исламистов, зная невозможность их полной изоляции, принимают своих оппонентов как конкурентов,

а не как агрессивный «лишний» фрагмент общества, и готовы к компромиссу с ними.

Что касается фрагментации на региональной основе, за исключением отдельных случаев, она хотя и с трудом, но все-таки затихает, тем более что ее крайние формы приводят к острейшим конфликтам и даже к распаду государства, как это случилось, например, в Судане.

Крайняя степень фрагментации сохраняется в Ливии, в Йемене. В обоих случаях надо признать ее историческую неизбежность; оба государства являются «сложносоставными». Ливия еще в период монархии складывалась из трех регионов — Триполитании, Киренаики и Феццана, каждый из которых обладает своей спецификой. Ливия имеет две столицы — Триполи и Бенгази, что само по себе является свидетельством автономности ее регионов. Вспыхнувшая после падения в 2011 г. режима Муаммара Каддафи война между ними имеет под собой не только сугубо политическую, но и социокультурную основу [Lacher, 2020].

Нынешней Йемен — результат объединения в 1990 г. двух дотеле воевавших государств — Йеменской Арабской Республики и Народной Демократической Республики Йемен. В новообразованном государстве де-факто не одна столица: на севере Сана, а на юге Ходейда или Аден. И здесь регионалистская фрагментация зиждется не только на политических амбициях местных лидеров, но в большой степени на этнокультурных и религиозных различиях между Югом и Севером<sup>6</sup>. Будущее Йемена сложно предсказать, и нельзя исключать того, что региональная фрагментация может привести к распаду страны.

Наконец, региональная фрагментация ярко проявляется на примере курдских регионов Ирака, Сирии и Турции. В курдском регионе Ирака находятся огромные запасы нефти, что позволяет региону действовать как фактически самостоятельное государство. В 2005 г. Иракский Курдистан получил от Багдада широчайшую автономию, в 2017 г. его руководство провело референдум о провозгла-

6 Transfeld M. Peace and State Fragmentation in Yemen. *Carnegie Endowment*. 22.11.2019. URL: <https://carnegieendowment.org/sada/80399> (дата обращения: 23.10.2020).



шении независимости, за которую проголосовало 92,7 % местных курдов<sup>7</sup>. Однако ни в Багдаде, ни за рубежом этот референдум не был признан, и Северный Курдистан остался в статусе провинции Ирака. Словом, региональная фрагментация продолжает оставаться одним из важнейших факторов иракского общества.

Подобная фрагментация сохраняется и в Сирии. Решение проблемы возможно (если возможно вообще) только по завершении начавшейся в 2011 г. гражданской войны, полностью же преодолеть ее в короткие сроки вряд ли удастся любому сирийскому правительству. Тем более что ситуация с курдами по-прежнему осложнена не реализуемой практически идеей «великого Курдистана». Извечная нерешенность, нерешаемость курдского вопроса будет еще долгое время накалять обстановку в регионе. По большому счету, речь идет о сепаратизме, который и является крайней формой фрагментации.

На этом фоне удачным примером смотрится преодоление региональной фрагментации в Алжире, где арабо-берберские противоречия, равно как и особое положение населенного тугарегами и другими африканскими племенами юга длительное время негативно сказывалось на консолидации общества.

Выше говорилось о наиболее ярких проявлениях региональной фрагментации, приводящих к сепаратистским движениям. Однако в мягкой форме она проявляется повсеместно, пусть и не столь заметно. Немало регионов полагают, что имеют право на особое отношение со стороны центральной власти, пытаются конвертировать свою специфику, особую идентичность в неформальную или формальную автономию. Власть в таких случаях прибегает к политике кнута и пряника, но также стремится к консенсусу, поскольку дурные примеры заразительны, амбиции одного региона могут спровоцировать подобные амбиции в других. Снизить степень фрагментации проще за счет взаимных уступок.

Региональная фрагментация может быть преодолена путем децентрализации, вплоть до формирования федеральной модели государственного устройства. Это оптимальный вариант решения проблемы. В таких странах, как Ливия и Йемен, федеральная система является едва ли ни единственной возможностью предотвратить распад государства (возрождение диктатуры подобной той, что существовала при Муаммаре Каддафи, едва ли возможно). В Ливии и Йемене альтернативой федерализации становится бесконечная война. Но и после военной победы одной из сторон конфликт не завершится, а будет продолжаться уже в иных, даже более ожесточенных «партизанских» формах.

Несколько слов о фрагментации идеологической. И здесь дело обстоит непросто. Автор справедливо пишет об угасании «великих» национальных проектов типа арабского и национальных социализмов, в том числе в их баасистском варианте. Завершилась катастрофой и «джамахирийская модель». На смену им приходит то, что называется «дорожная карта», в основе которой лежит проведение конкретных реформ, направленных на осовременивание общества, на улучшение жизни людей. К таковым может быть отнесена предложенная наследником саудовского престола принцем Мухаммадом программа модернизация королевства<sup>8</sup>. Однако эта программа воспринимается в стране именно как идеологема, и вызывает раздражение у консервативной части общества. Такая «дорожная карта» приветствуется прежде всего молодежью, но отторгается его возрастной частью, что само по себе ведет к фрагментации.

Дорожная карта может быть и консервативного толка. Так, у сторонников исламского государства (не того, что уже сложилось в Сирии, а в более широком смысле слова) тоже есть своя «дорожная карта», где обозначен путь к его созданию. И это идеология, которая как выражение интересов той или иной общественной группы сохранится и в постфрагментационный период, хотя она может принимать иные, пусть и «неомодернистские» формы.

7 Primary Results. *The Independent High Elections and Referendum Commission*. 27.09.2017. URL: [http://www.khec.krd/pdf/173082892017\\_english%202.pdf](http://www.khec.krd/pdf/173082892017_english%202.pdf) (дата обращения: 26.10.2020).

8 Saudi Vision 2030. URL: <https://vision2030.gov.sa/en> (дата обращения: 23.10.2020).





Одним из факторов преодоления фрагментации автор полагает массовые движения. Однако что понимать под массовым движением? Допустим, оно представляет если не всё, то хотя бы подавляющее большинство общества, хотя это довольно трудно представить. Для подобного движения необходима единая идейная платформа; в свое время такой платформой служило национальное освобождение. Сегодня столь же базовую, не подвергаемую сомнениям сверхзадачу предложить почти невозможно.

Из истории известно, что «лозунговая» сплоченность на начальном этапе массового движения впоследствии зачастую оборачивается взаимной неприязнью, враждебностью участников. Это подтверждает и опыт арабской весны.

Предлагаемый В. Кузнецовым «неомодернистский» подход вполне применим не только к Ближнему Востоку, но и к другим мусульманским странам, например, к Афганистану, который, с одной стороны, переживает «муки фрагментации», а с другой, мучительно ищет пути ее преодоления. В этой стране все общественно-политические силы, включая талибов, по-своему грезят о единстве и о полноценном национальном государстве.

Насколько процессы дефрагментации необратимы? Ведь во-первых, сама фрагментация все еще сохраняется. Во-вторых, в обстановке экономических и социальных трудностей, ведущих к политическим кризисам, она может даже нарастать. И тогда вероятность укрепления групповых субнациональных идентичностей — от региональных до гендерных — остается высокой<sup>9</sup>. На первый взгляд это противоречит идее о переформатировании региона, о появлении «нового» Ближнего Востока. Но это не так. Несмотря на свойственные региону перманентные кризисы, модернизационные тенденции в обществе нарастают, что действительно способствует его дефрагментации. В свою очередь, дефраг-

ментация оказывается фактором обновления общества, его консолидации, а также формирования национального государства. Это происходит на фоне глубокой трансформации региона. Меняется его политическая карта, его легитимными субъектами становятся неарабские государства — Турция и Иран, влияние которых на внутрорегиональную ситуацию постоянно усиливается. Регион перестал быть чисто арабским (арабо-курдским), став полиэтническим.

Снижается значение арабо-израильского конфликта, что особенно заметно после заключения соглашений между Израилем и некоторыми странами Персидского залива<sup>10</sup>. Фактором неизбежных перемен становится постепенное ослабление ближневосточных стран от нефтяной зависимости.

К Ближнему Востоку начала нашего века невозможно подходить со старыми мерками. Послевоенный период давно завершился, в том числе и для этого региона. Чтобы избежать ошибок и точнее предугадывать будущее, необходимо совершенствование научных технологий, поиск новых подходов, чему и посвящена статья Василия Кузнецова, новаторский пафос которой сегодня особо востребован.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

*Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте.* Отв. ред. В. Г. Барановский, В. В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2018. — 556 с. [*The Middle East in The Changing Global Context.* V. G. Baranovsky, V. V. Naumkin (Eds.). Moscow: IOS RAS, 2018. — 556 p. (in Russian)].

Василенко А. И. Долгое эхо конфликта: память о «черном десятилетии» 1990-х годов в современной политической культуре Алжира. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика.* 2019. Т. 11. № 2. С. 171–200 [Vasilenko A. I. The Long Echo of

9 Кортунув А. В. Будущее Ближнего Востока: два варианта угроз и возможностей. *РСМД.* 01.10.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/budushchee-blizhnego-vostoka-dva-gorizonta-ugroz-i-vozmozhnostey/> (дата обращения 13.10.2020).

10 Alterman J. B. The Significance of the Israel-UAE Deal. *CSIS.* 15.09.2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/significance-israel-uae-deal> (дата обращения: 22.10.2020).



Conflict: The Memory of 1990s Black Decade in the Modern Political Culture of Algeria. *Moscow University Bulletin of World Politics*. 2019. Vol. 11. No. 2. Pp. 171–200 (in Russian)].

Кузнецов В. А. Арабские общества эпохи неомодерна: поиск новых единств. *Восток (Oriens)*. 2020а. № 2. С. 28–40 [Kuznetsov V. A. Arab Societies of Neomodernity: Seeking for New Unities. *Vostok (Oriens)*. 2020а. No. 2. Pp. 28–40 (in Russian)].

Кузнецов В. А. Концепция неомодерна: новые рамки политического бытия. Ближневосточный кейс. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020b. № 3–4. С. [Kuznetsov V. A. A New Framework for Political Reality. The Middle Eastern Case. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2020b. No. 3–4. Pp. (in Russian)].

Ei-Affendi A. Islamic Movements: Establishment, Significance and Contextual Realities. *Islamic Movements. Impact on Political Stability in the Arab World*. The Emirates Center for Strategic Studies and Research, 2004. — 261 p.

Lacher W. *Libya's Fragmentation: Structure and Process in Violent Conflict*. London: I. B. Tauris, 2020. — 304 p.

#### ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ / ELECTRONIC SOURCES

Кортунов А. В. Будущее Ближнего Востока: два варианта угроз и возможностей. *РСМД*. 01.10.2019 [Kortunov A. V. The Future of the Middle East: Two Versions of Challenges and Opportunities. *RIAC* (in Russian)]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/budushchee-blizhnego-vostoka-dva-gorizonta-ugroz-i-vozhnostey/> (дата обращения: 23.10.2020).

Малашенко А. Эпоха жесткого эгоизма. Пренебрежено Ближнего Востока больше нет. *Независимая газета* [Malashenko A. The Era of Hard Selfishness. The Old Middle East No Longer Exists. *Nezavisimaya Gazeta*. (in Russian)]. URL: [https://www.ng.ru/ideas/2020-03-18/7\\_7820\\_east.html](https://www.ng.ru/ideas/2020-03-18/7_7820_east.html) (дата обращения: 23.10.2020).

Alterman J. B. The Significance of the Israel-UAE Deal. *CSIS*. 15.09.2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/significance-israel-uae-deal> (дата обращения: 22.10.2020).

Change brings challenges for Qatar Emir Tamim. *BBC*. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-22875409> (дата обращения: 23.10.2020).

Henderson S. Implications of the Saudi Corruption Arrests. *The Washington Institute for Near East Policy*. 16.03.2020. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/implications-of-the-saudi-corruption-arrests> (дата обращения: 23.10.2020).

Henderson S. Making Sense of the Saudi Rumors: A Guide to Royal Family Politics. *The Washington Institute for Near East Policy*. 9.03.2020. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/making-sense-of-the-saudi-rumors-a-guide-to-royal-family-politics> (дата обращения: 23.10.2020).

Islamism, Violence and Reform in Algeria: Turning the Page. *ICG Middle East Report N°29* Cairo/Brussels. 30.07.2004. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/algeria/islamism-violence-and-reform-algeria-turning-page> (дата обращения: 20.05.2018).

Meunier M. 1991–2000, la décennie qui hante l'Algérie. *La Croix*. 19.05.2011. URL: [https://www.la-croix.com/Actualite/Monde/1991-2000-la-decennie-qui-hante-l-Algerie\\_EP\\_2011-05-19-617033](https://www.la-croix.com/Actualite/Monde/1991-2000-la-decennie-qui-hante-l-Algerie_EP_2011-05-19-617033) (дата обращения: 20.05.2018).

Primary Results. *The Independent High Elections and Referendum Commission*. 27.09.2017. URL: [http://www.khec.krd/pdf/173082892017\\_english%202.pdf](http://www.khec.krd/pdf/173082892017_english%202.pdf) (дата обращения: 26.10.2020).

Saudi Vision 2030. URL: <https://vision2030.gov.sa/en> (дата обращения: 23.10.2020).

The Paradox of Saudi Arabia's Social Reforms. *Frontline*. 01.10.2019. URL: <https://www.pbs.org/wgbh/frontline/article/the-paradox-of-saudi-arabias-social-reforms/> (дата обращения: 23.10.2020).

Transfeld M. Peace and State Fragmentation in Yemen. *Carnegie Endowment*. 22.11.2019. URL: <https://carnegieendowment.org/sada/80399> (дата обращения: 23.10.2020).